

ПОБЕДА 1945 – 2010

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК ГАЗЕТЫ “СКВОЗНЯК” ЦО №1811”ИЗМАЙЛОВО”,
ПОСВЯЩЕННЫЙ 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Победа. Это слово не нуждается ни в каких комментариях. Война далеко, а Победа, - вот она, здесь. Наша сегодняшняя жизнь, противоречивая и сложная. Наши вопросы, которые мы задаем старшим и самим себе. Наша память. Наши семейные фотографии, начиная с военных снимков и кончая цифровыми, наспех сделанными школьными кадрами, которые мы каждый день выкладываем "вконтакте". Все это - результат Победы. С наступающим вас праздником, друзья!

МОЙ ДЕДУШКА

Мой дедушка Саляев Владимир Фёдорович учился в химическом техникуме, но он, как и многие, понимал, что войны с Германией не избежать. И тогда он решил стать военным, чтобы защищать Родину. Он поступил в снайперское училище. И в начале войны он был снайпером, а потом его взяли обратно учить молодых солдат. Но, как и школьники, не всегда солдаты точно исполняют приказания. Один курсант должен был бросить гранату в танк, но выдернул чеку и замер... Пять секунд – и граната взорвется! Дедушка выхватил гранату, отбросил её и накрыл собой курсанта. Граната взорвалась в воздухе! Дедушка был ранен очень сильно и почти месяц лежал в госпитале.

Дедушка всю свою жизнь посвятил армии. После войны он стал танкистом и дослужился до полковника- заместителя командира знаменитой Кантемировской дивизии и испытывал современные танки и машины амфибии (которые могут ездить по суше и по воде).

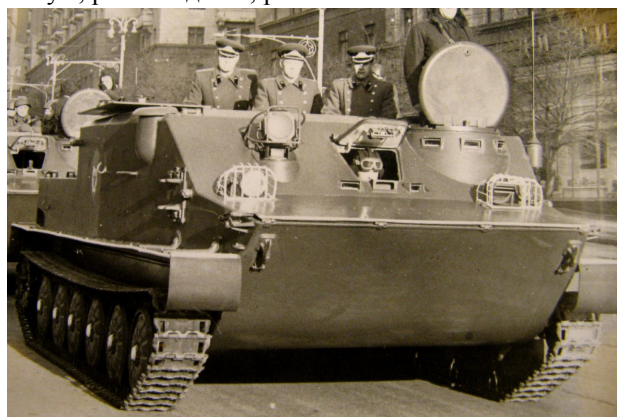
Ульяна Серкова

В нашей школе часто проходят фестивали и творческие конкурсы, в которых современные подростки обращаются к военной теме. Для чего это делается? Отвечают ученики 11-го "В", самого "театрального" класса.

– Мы все время думаем о тех ребятах, которые принесли победу. Если бы мы проиграли войну, все было бы иначе. Мы хотим, чтобы люди на секундочку призадумались, вспомнили, сколько людей погибло в той войне, и поняли, что это все для нас сегодня значит.

– Война – это такой момент, который может повториться в любой день. Лучше, чтобы человечество не повторяло своих ошибок. Без прошлого нет будущего, мы должны об этом помнить.

– Да, память о войне болезненна. Но ведь многие из солдат, кто уходили добровольцами на фронт в 41-м, были нашими ровесниками. Они были такими же, как мы. Так же хотели жить, хотели кем-то стать, жениться, выйти замуж, растить детей, работать...

Участие в параде (проезд техники перед парадом по улице Горького – Тверской).

– Для меня Великая отечественная война стала уроком толерантности. Нужно уметь принимать людей разными, и не подгонять всех под одну гребенку. Фашистская идеология жестко поставила крест на каком бы то ни было обосновании расизма и национализма. Теперь все знают, к чему это приводит.

Юлия Друнина

КОМБАТ

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули -
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

ФРОНТОВИКИ КАЗАЛИСЬ НАМ ГЕРОЯМИ ДО НЕБА

Вспоминает Ольга Алексеевна Паленова, учительница английского языка:

Когда мы эвакуировались из Москвы в Башкирию, я не понимала, какая беда настала. Мне было чуть больше года. Даже то, что папа на фронте, я воспринять еще не могла. Да и в более сознательные годы я считала, что у меня счастливое детство, счастливее быть не может. "Мы пляшем, поем и смеемся, нам радостно жить на земле, и все потому, что о каждом из нас заботится Сталин в Кремле". В эвакуации я пошла в детский сад, который нам и дарил все это счастье. Вместе с нами жили обе бабушки, но в садике я должна была получить коллективное воспитание. Это считалось очень важным. Мы с ранних лет приучались жить на виду, большим человеческим общежитием. Я не могу сказать, что в военные годы было голодно, холодно, – не сложилось такого ощущения. Наверно, взрослым было тяжело создавать для нас хорошие условия, но детство в эвакуации было безоблачным. Окружали меня башкирские дети, которые сильно отличались от нас, москвичей, чертами лица. Ужасно интересно было сравнивать: я в зеркале вот такая, а он другой, круглолицый... Глядя на нас, никто бы не догадался, где мальчик, а где девочка, потому что в садике все носили одинаковые прически. Нас стригли либо "под горшок", либо наголо, но при этом обязательно с челкой на лбу.

В 44-м мы вернулись в Москву, и вот тогда сознание войны нахлынуло сразу. Со слезами вошли мы в свою комнату в коммунальной квартире, а там все пусто, разгромлено. Все растащили соседи, которые отнеслись к нашему имуществу, как к "ничейному". Я до сих пор отчетливо вижу это темное помещение на первом этаже. Даже после того, как открыли ставни, солнце не появилось. Мама села на стул посередине комнаты и заплакала от безнадежности. Она плакала в воротник, а я, обхватив мамины колени, рыдала вместе с ней, уговаривая: "не плачь, мама, не плачь". Невыносимо было смотреть, как она плачет. Уж если мама чего-то не может, что же делать мне? Вот это было страшно.

Столица всё еще переживала необходимость затемнения. У нас на окне висело одеяло, но, несмотря на это, к нам то и дело стучал милиционер, потому что через какую-то щель просматривался свет, – не подумайте, что от лампочки, от керосинки. С керосинками жили все, потому что электричества не было довольно долго. Окна наши, выходящие во двор-колодец, смотрели на высоченный пятиэтажный дом, который был метрах в семи от нас. Мне казалось, что ни с какого самолета нельзя заметить наше маленькое окошко. Странно было видеть над улицами громадные серые аэростаты, такие колбасы стального цвета. Они висели над городом непонятно зачем, наблюдали, наверно, чтобы какая-нибудь щель не выдавала нас противнику.

Со сверстниками мы общались мало. Люди еще друг друга боялись, сплоченности и дружбы не было. На тех, кто вернулся из эвакуации, смотрели свысока: мол, вы свою шкуру спасали, пока мы здесь рыли окопы и ходили полуголодные. Не разделили с нами всех тягот, вот и живите теперь, как хотите. Среди москвичей в те годы почему-то существовало желание друг на друга доносить. Если бы милиционер не стучал в окно, то "стукнули" бы куда следует соседи. "Вот, жильцы такой-то комнаты неплотно закрывают окна, уж не хотят ли они сообщить что-то немцам?" Напряженность чувствовалась даже в садике. Однажды кто-то из ребят сказал, глядя на портрет Сталина:

"Ух, какие у него усы, так и хочется к кровати привязать!" Потом нас всех по очереди водили к директору. Елизавета Нарциссовна выясняла, кто же все-таки хотел привязать Сталина к кровати. Разговаривали с каждым очень серьезно. Ведь эти 4-5 летние ребята были детьми сотрудников газеты "Правда". Родители печатались, готовили материал для газеты, они представляли собой чистейшие ряды журналистов, идейных работников партийной прессы, самых преданных, побывавших с "лейкой и блокнотом" на всех фронтах! Все в орденах, в медалях. Конечно, нельзя было допустить, чтобы их дети говорили что-то крамольное. А как тут не сказать, если на всех портретах Сталин был с такими замечательными усами!

Первое понятие о фронтовых событиях я получила тоже в садике. Человек со звездой на груди рассказывал нам про "эпизод" сражения – так я впервые услышала это слово. В нашу группу часто приходили корреспонденты военного отдела. Побывавшие на передовой, они казались нам героями до неба. На них смотрели так, будто они только что из огня вышли.

Во время прогулки нас выводили иногда на бульвар близ Ленинградского шоссе. По бульвару, опираясь на палки, шагали возвратившиеся с фронта девушки. Это был март-апрель 45 го, нас уж не кутали, а отважные фронтовички одевались очень легко, показывая, что им не холодно. Шли нарядные, в белых платьях, с медалями на груди. Платья на них были с вышивкой, с длинным рукавом, на манжете. Я мечтала о таком платье, но еще больше мечтала, чтобы у меня тоже болели ноги, потому что они ведь могут болеть только от ранения! "Когда вырасту, непременно буду ходить с палкой, как эти девушки!" – думала я. Теперь-то моя детская мечта осуществилась...

Мы ожидали приближения Победы, знали, что вот-вот о ней сообщат. У меня была такая игрушка, эмалированный металлический абажур без лампочки. Из него прекрасный рупор получился! И вот в пустое отверстие я говорила голосом Левитана: "граждане, воздушная тревога!" и "наши войска освободили ..." – как сейчас дети играют в рекламу, так мы играли в радио. Наконец наступил долгожданный момент. Как сейчас помню: было без чего-то 9 или 10 вечера, мне уже велели ложиться спать. "Завтра проснешься и узнаешь про Победу". Но мне не верилось: как же так, я усну, и тут произойдет самое главное? И вот, едва я растегнула на спине первую пуговицу, – самостоятельно, хотя у меня это еще плохо получалось, – как объявили: "Победа!" К нам заглянула соседка. "Слышали!?!". Платье пришлось застегнуть, меня схватили за руку, и все побежали на улицу Горького, так тогда называлась Тверская. Побежали опрометью, будто там все должны были встретить родных. Я надеялась увидеть папу, вернувшегося с фронта. Что же ожидало нас на Тверской? Просто люди, которые обнимались, целовались. Военные и штатские шли рекой, но не было толчеи, и никакой конной милиции. Все что-то говорили друг другу, кто-то плакал, а я радовалась празднику, и ничто мою радость не омрачало. Не встретили папу? Что ж, в следующий раз встретим! Он же не мог забыть дорогу домой, значит, непременно приедет. Я не чувствовала никакого горя. Все годы, пока я училась в школе, я все время ждала, что уж мой-то папа обязательно вернется, ведь возвращаются солдаты время от времени. А папа не пришел...